

Якушкина Татьяна Викторовна

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина,
Россия, 196605, Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, 10
<https://orcid.org/0000-0001-8280-531X>
t000056157@lgumail.ru

Петрарка и его «Книга песен» в русской культуре XX в.

Для цитирования: Якушкина Т. В. Петрарка и его «Книга песен» в русской культуре XX в. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература.* 2024, 21 (3): 600–622.
<https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.305>

Предметом и материалом исследования в данной статье является лирическое наследие Петрарки в русской культуре XX в., от конца 1890-х до начала 1990-х. Если дореволюционный Петрарка исследован многогранно и широко, то советский, несмотря на значительность достигнутого, остается практически неизученным. Это определило цель исследования — изучение образа русского Петрарки в XX в. с преимущественным вниманием к его разработке в советский период. Автор статьи утверждает: несмотря на идеологическое и эстетическое расхождение между поэтами русского Серебряного века и советской школы перевода, между дореволюционным и советским Петраркой есть явная преемственная связь. Если рассматривать переводы не изолированно, а как часть общего процесса обращения культуры к чужому литературному имени, следует признать: рецепция Петрарки в русской культуре на протяжении XX в. подчинена одному принципу — научно-просветительскому. Переводы Вяч. Иванова взятые сами по себе являются ярким примером поисков русским модернизмом своих исторических истоков, включенности в споры о «новом искусстве». Переводы Иванова, взятые в составе издания Гершензона и в контексте предшествовавших ему научных публикаций, выходят за рамки собственно литературных поисков, становятся частью просветительской направленности эпохи. Вместе с тем в России на протяжении всего XX в. Петрарка выступает не только как объект просветительских устремлений, но и как объект познания себя. В зависимости от внутренних процессов развития культуры и общества, Петрарка предстал то индивидуалистом, углубленным в себя и в самоанализ; то писателем, разрывающим со старым во имя нового; то гуманистом-интеллектуалом, осознающим богатство своего внутреннего мира. Эти три подхода определяли интерпретацию Петрарки в отечественной науке на разных этапах ее развития, они определили и три ипостаси русского Петрарки в XX в.

Ключевые слова: русская литература XX века, Петрарка в русской культуре, «Книга песен» в русских переводах, Петрарка в СССР, Б. И. Пуришев.

Введение

Каждое литературное имя, впервые входя в чужую культуру, подвергается определенной трансформации и адаптации. На эти процессы влияют многие факторы: время и условия вхождения; работа критиков и издателей; научные публикации; переводы, которые, как правило, закрепляют те или иные мотивы в восприятии литературного имени. В результате появляется другой автор или, точнее,

образ автора, который, принимая чужой язык, принимает условия и требования существования в иной культуре. Созданный образ редко остается неизменным. Если иноязычная культура по-прежнему ощущает для себя актуальность того или иного писателя, она, изменяясь сама, подстраивает под себя и первоначальный образ, вносит в него определенные коррективы — возникает потребность в новых переводах. Неактуальное, оставаясь в старых переводах, уходит из поля внимания культуры, превращается в исторический эпизод, забывается.

Предметом и материалом исследования в данной статье является лирическое наследие Петрарки в русской культуре. За два с половиной века своего существования в нашей стране Петрарка-лирик пережил несколько трансформаций. Первые две — сентименталистская, XVIII в., и романтическая, первой трети XIX в., изучены многогранно и широко [Некрасов 1912; Розанов 1930; Contieri 1959; Varese 1970; Томашевский 1974; 1981; Maver Lo Gatto 1978; Солонович 1979; Полуяхтова 1984; 1987; Титаренко 1985; Джулиани 1987; Garzonio 1988; Гардзонио 1989; 2016; Shapiro, Shapiro 1993; Фурман 2000; Пильщиков 2000; 2001; 2003; 2006; Piščík 2010; Хлодовский 2001; Романов 2004; 2020; Якушкина 2005; 2008]. Третья, хронологически охватывающая почти век, от конца 1890-х до начала 1990-х, осмыслена неравномерно, и в исследованиях на эту тему закономерно распадается на две части — дореволюционную и советскую. Большое число работ посвящено влиянию Петрарки на поэтов русского Серебряного века, переводам Вяч. Иванова, а также переводам, выполненным в советское время писателями, биографически и/или творчески связанными с русским модернизмом начала XX в.: М. А. Кузминым, О. Э. Мандельштамом, А. М. Эфрос [Семенко 1970; 1997; Томашевский 1974; Markov 1976; Mureddu 1980; Илюшин 1990; Котрелев 1990; Венцлова 1991; Дмитриев 1996; Гаспаров 2002; Романов 2004; 2020; Cazzola 2005; Пильщиков 2006; 2012; 2015; Piščík 2010; Быстрова 2008; Панова 2009; 2015а; 2015б; 2016б; 2017; 2019]. В то же время исследований, посвященных советскому Петрарке, несмотря на значительность достигнутого, практически нет¹. Показательна в этом отношении статья И. А. Пильщикова, опубликованная в двухтомном издании «Петрарка в русской литературе», приуроченном к 700-летию юбилею итальянского поэта, и ставящая перед собой задачу дать общее представление об истории его восприятия в России. В статье о второй половине XX в., несмотря на «немало интересного», — один абзац, в то время как обзор первой половины века, представленный переводами Иванова и Мандельштама, развернут широко [Пильщиков 2006: 28–34].

Между тем между дореволюционным и советским Петраркой, изданием М. Гершензона 1915 г. и изданиями советского периода есть явная преемственная связь — неслучайно переводы Иванова публиковались на протяжении всего XX в., а особенности издания Гершензона повторяли практически все издания «Книги песен» 1970–1980-х гг. Главной же особенностью образа Петрарки, начиная с 1890-х гг. и на протяжении века, является связь с наукой — переводческая деятельность в этот период идет рука об руку с изучением исторической роли поэта в культуре и идеологии эпохи Возрождения. Именно научная составляющая образа отличает его от предшествующих и последующего, современных, подходов. Это, собствен-

¹ К ним можно отнести только библиографический справочник В. Т. Данченко и заметку Т. О. Сутуевой [Сутуева 1964: 152–153; Данченко 1986].

но, и дает нам возможность объединить дореволюционный и советский периоды в один и вести речь о третьем образе поэта, созданном в русской культуре XX в.

Таким образом, целью данного исследования является изучение образа русского Петрарки в XX в. с преимущественным вниманием к его разработке в советский период.

Дореволюционный период

XX век складывался в веке XIX-м. Эта хорошо известная истина имеет прямое отношение к Петрарке. Условия для нового прочтения итальянского поэта возникают в последней трети XIX в., когда, с одной стороны, активно развивается русская историческая школа и зарождается отечественная италянистика, с другой, — в последнее десятилетие века начинается история русского символизма.

Развитие русской исторической школы привело к новому осмыслению эпохи Возрождения и роли Петрарки в ней. В работах А. Н. Веселовского, Н. И. Кареева, Н. И. Стороженко и в первую очередь М. С. Корелина Возрождение рассматривается не столько как период в истории Европы, обозначивший переход от средневековья к новому времени, сколько как понятие, исторический смысл которого видится в формировании и развитии гуманистического движения [Якушкина 2011: 149]². Петрарка — его родоначальник и глава. Его политические взгляды, активная филологическая деятельность, позиция философа-моралиста и литературные труды рассматриваются как выражение нового гуманистического мирозерцания [Корелин 1888; 1892; 1896; 1899]. Суть этого мирозерцания, согласно Корелину, определяют: индивидуализм, проявляющийся в заботе о земном счастье и в интересе к своей внутренней жизни; двойственность, понимаемая как стремление примирить новые личностные потребности с христианским аскетизмом; новое отношение к античности, выражающееся не в чувстве восхищенного поклонения перед великим прошлым, а в его критической оценке. Именно эти черты, как доказывает Корелин на примере анализа латинских сочинений поэта, делают его человеком нового времени [Корелин 1914: 113–115].

Исследования Корелина хронологически совпадают с проявлением к нему интереса у символистов. Их эстетическое и идеологическое сближение с Петраркой (и Данте) было столь многогранным, что дает возможность Л. Пановой говорить о «запоздалом русском петраркизме» [Панова 2015а; 2016б; 2019]. Его начало обозначил перевод Вл. Соловьева [Соловьев 1886], в 1890-е гг. появляются переводы Д. Мережковского и поэтов близкой к символистам ориентации — К. Льдова, О. Чуминой (Михайловой), молодого М. Гербановского. Однако переводы 1890-х событием не стали — они способствовали возникновению моды на Петрарку, на использование его тем, образов, стигматов, положив начало своеобразной «петраркомании» у русских модернистов [Панова 2019]. Создать новый образ Петрарки им не удалось. Показательна в этом отношении первая попытка собрать сборник лирических стихотворений Петрарки в 1898 г.: имея явно выраженную просветительскую направленность, издание А. Чудинова ориентировалось не на современные,

² Подробнее об изучении Петрарки наукой конца XIX в. см.: [Mikhailov 1978; Девятайкина 2017].

а на «устоявшиеся» переводы предшествующих десятилетий (Буренина, Мина, Берга, А. Т., а также К. Батюшкова и И. Козлова) [Петрарка 1898]³.

Исследования и переводы 1890-х гг. создали предпосылки для движения к новому образу поэта. Решающими в его создании стали деятельность младшего поколения русских символистов и работа А. Н. Веселовского «Петрарка в поэтической исповеди “Canzoniere”» (1905). Если Корелин как историк анализировал латинские тексты Петрарки с точки зрения проявления в них мировосприятия новой эпохи, то историк литературы Веселовский, отталкиваясь от идей Корелина, реконструировал психологический портрет поэта на основе анализа его лирических текстов. Самим названием своей работы Веселовский нацеливал на восприятие лирики Петрарки как отражения его «внутренней биографии», впервые перенося тем самым внимание с факта разрозненности стихотворений на факт их совокупности, присутствия авторского отбора и систематизации текстов. Веселовский не ставил перед собой задачу проанализировать жанровую специфику книги, однако движение в эту сторону было намечено четко: рассмотренные в целостности стихи Петрарки представляли лирическим дневником, содержание которого далеко не исчерпывается любовью к Лауре. Лаура, как подчеркивает Веселовский, — это только толчок, «точка отправления». Содержание «Канцоньере» составляет «внутренняя жизнь Петрарки», как она отложилась в многообразии и неоднозначности своих проявлений: в «тревогах молодой любви, в мечтах о славе, в грезах идеальной Италии, в болевых приступах *accidia* и жажды спасения, пока одухотворенная любовь не указала ему пути к небу» [Веселовский 1939: 155]. Сами эти проявления: сосредоточенность на земном, противоречия между земным и небесным, жажда славы, — как и у Корелина, рассматриваются ученым в качестве характерных примет нового времени. Анализ «Canzoniere» в контексте новых мировоззренческих ориентиров — еще одна характерная особенность его работы.

Шестьсот лет, отделяющие Россию рубежа XIX–XX вв. от поэта эпохи раннего Возрождения — статья Веселовского была приурочена к юбилею поэта, — делали первоочередным вопрос о его актуальности для современного читателя. Наука второй половины XIX в., обосновав роль Петрарки в движении гуманизма, определила его место в истории этой эпохи. Но ни Петрарка-гуманист, ни Петрарка-поэт непосредственного отклика у читателя уже не находили. Работа Веселовского в этом отношении оказалась откровением: показав, как постоянный самоанализ заставлял Петрарку исследовать самые противоречивые движения своей души, ученый сделал средневекового поэта понятным и даже современным. Он же нашел новое определение для книги — исповедь.

Мысль Веселовского подхватит М. О. Гершензон, философ, филолог и переводчик, близкий кругу Вяч. Иванова, в работе которого гуманизм Петрарки предстанет как «болезнь внутреннего раздвоения», «болезнь культурного человечества», делающая Петрарку «родственным» человеку начала XX в. [Гершензон 1915: 51–52]. Именно в такой интерпретации итальянский поэт становится особенно созвучным

³ Издание Чудинова, собравшее 28 стихотворений (2 из которых были прозаическими переводами самого редактора), разделенных по жанровому принципу (1-й раздел — сонеты (25), 2-й — канцоны (3)), сопровождалось предисловием и очерком жизни поэта (из лекций А. Н. Веселовского). Следующее издание 1902 г., выпущенное Обществом распространения полезных книг, повторяло опыт Чудинова [Петрарка 1902].

новому поколению русских символистов, для которых его творчество, «Канцоньере» и автобиографические тексты, давало не только тему для активной дискуссии, но и материал для «жизнетворческого подражания» [Смольевский 1991; Богомолов 2009; Панова 2016а; 2019]. «Канцоньере» воспринимается в контексте культа Вечной Женственности, на повестку дня выходит задача перевода средневековой книги — перевода, который в идеале, как пишет Л. Панова, должен был продемонстрировать «кровное родство» итальянского поэта и русских символистов [Панова 2019: 35–37].

В реализации этой задачи символисты продвинулись незначительно⁴, однако образ поэта с гипертрофированным личностным сознанием и в этом своем качестве «родного» человеку начала XX в. был создан. Его представило издание Петрарки 1915 г. Сохраняя просветительскую направленность предшествующих изданий, оно новым подбором текстов, латинских и итальянских, стремилось раскрыть психологию человека, вставшего на путь осознания себя и мира. Издание с обширным предисловием и примечаниями было подготовлено Гершензоном и делилось на две части. Латинская часть, выполненная самим Гершензоном, представляла «Автобиографию» (перевод «Письма к потомкам») и «Исповедь» (перевод «О презрении к миру»), итальянская — «Избранные сонеты к Лауре» в переводе Вяч. Иванова. Таким образом, «Письмо к потомкам» давало «внешнюю» биографию поэта в терминологии Веселовского, трактат «О презрении к миру», написанный, в оценке Гершензона, как «диалоги раздвоенной души», — внутреннюю, а сонеты представляли «моментальными фотографиями его сердца», запечатлевшими любовь к Лауре.

Отбор текстов для перевода был сделан Гершензоном и ограничивал «жизнь сердца» только историей любви — текстов, представляющих Петрарку вне этой любовной ипостаси, несмотря на утвердившуюся в XIX в. популярность канцоны «Italia mia» среди русских переводчиков (десять переводов до 1915 г.), в сборнике нет. Ориентированность на песни любви объясняет и ограниченность выбора только одним жанром — сонетом. Гершензону, во многом следовавшему за Веселовским, важно было подчеркнуть, с одной стороны, разрыв — между старым, средневековым, и новым, гуманистическим мировосприятием, с другой — показать особенности психологического портрета поэта.

Так, в понимании Гершензона, Петрарка — человек, который впервые открывает для себя красоту мира. Религия делала средневекового человека равнодушным к вещам и формам окружающего мира; «теперь, — пишет Гершензон, — гипноз ослабел, и Петрарка — точно проснувшийся: он смотрит жадно и наслаждается созерцанием; как никто до него он различает уже индивидуальности бытия, четкие контуры явлений...» [Гершензон 1915: 4–5]. Как следствие — для перевода отбираются тексты, в которых одним из ведущих является мотив зрения и посвященные описанию внешней красоты Лауры, в которых цветочные эпитеты и метафоры придают образу мира яркое сияние и краски (CLVII, CLIX, CXCIX, CCXX; соответственно XV, XVI, XIX, XX в издании Гершензона).

⁴ Помимо Иванова, вторым переводчиком Петрарки в дореволюционную пору стал Ю. Верховский, который в 1908 г. опубликовал перевод восемь сонетов [Верховский 1908]. Можно сказать, что в первые два десятилетия XX в. деятельностью этих двух поэтов переводческий энтузиазм младосимволистов в отношении Петрарки и ограничился.

Земная и сияющая красота — это одна составляющая образа Лауры, другая является «лик вечной мистической возлюбленной». Две ипостаси возлюбленной служат отражением двойственной сущности лирического героя и вместе с тем отражением «глубокого душевного раскола» самого автора «Книги песен». Эта идея определила и концепцию издания, и концепцию встроеного в него поэтического цикла.

Впервые в истории русского Петрарки издание представило не просто самую большую подборку — 33 стихотворения, но законченный лирический цикл, выполненный одним переводчиком. За счет сквозных мотивов, рифм, единства интонаций и стиля, переводы «избранных сонетов» оказались объединенными в единое целое, спаянными общей темой — любовь и поиски ее высшего смысла — и образом лирического героя, раздвоенным между стремлением к «небесному Граду» и «произволом земных страстей». Цикл получил форму лирического дневника, где каждый сонет, говоря словами переводчика, — «страница в дневнике любви». Новые начало (III) и конец (CCCLXIV) существенно меняли оригинальную трактовку. Лирический герой в переводах Иванова не вспоминал и сожалел о заблуждениях юности, как у Петрарки, а переживал свою любовь шаг за шагом: от момента первой встречи до наступления старости. Поворотный момент в его истории был выделен композиционно: переводы разделены на две части — «Сонеты, сложенные при жизни Лауры» и «Сонеты, сложенные по смерти Лауры». Смерть возлюбленной, которая «преполовила жизнь» героя, как и самого переводчика, становилась, таким образом, важным этапом его движения к истине: во второй части ивановского цикла Лаура — видение, дух, который спускается с небес, чтобы открыть герою высший смысл любви — движение ввысь, необходимость «творить глаголом гимн красоте» и стремление воссоединиться с Творцом. Заключительный сонет цикла, однако, значительно ослаблял религиозный накал оригинального финала «Книги песен» и менял его трактовку: обращенный к Творцу — не к Богородице, как у Петрарки, — он представлял лирического героя в «перволетья старости», «уставшим от страстей», жаждущим рая, но не покаянным и смирившимся, а, напротив, — мятущимся, вопящим. Обилие вопросов подчеркивало его несмирившийся дух, оставляло внутренний конфликт неразрешенным [Петрарка 1915; Якушкина 2016].

Переводы Иванова, соединившие в себе филологическую основательность, знание языка и поэтический талант, по замечанию Н. Томашевского, стали культурным событием своего времени. Подчинив задачи перевода не столько познавательным целям, сколько потребностям русской литературы, Иванов совершил новое открытие итальянского поэта [Томашевский 1974: 398]. Задачу редактора — представить Петрарку «осязательно-современным», «кровно-родственным» современному читателю — Иванов решает неожиданными средствами, используя вместо художественного языка русского модернизма начала XX в. язык русской поэзии «золотого века» [Пильщиков 2006: 29]. Опора на поэтический словарь этой эпохи позволяет создать Петрарку возвышенно-классического, утонченно-изысканного, музыкального и одновременно «книжного», исторически удаленного. Использование архаизмов, столь свойственное поэтике Иванова, придает текстам возвышенный и торжественный тон, близкий церковным песнопениям. Стилистическая дистанцированность лишь усиливала созвучность внутренних противоречий итальянского поэта современному читателю и на художественном уровне подтверждала мысль вступительной статьи: в Петрарке, — писал Гершензон, — мы находим

«черты поразительного сходства с нами, так что почти не верится, что он отделен от нас таким огромным промежутком времени...» [Гершензон 1915: 4].

Издание 1915 г. имело большое значение для последующих обращений к Петрарке в нашей стране. Оно стало важным шагом на пути усвоения стихотворений Петрарки в их целостности. Ивановские переводы с их возвышенной музыкальностью, фонической близостью оригиналу, ориентацией на язык русской поэзии золотого века и использованием архаизмов — задали образец для последующих переводов; предложенный Гершензоном научно-просветительский подход в создании образа Петрарки как первого человека нового времени — образец для последующих изданий.

Советский период

Советская ренессансистика довоенного периода демонстрирует, с одной стороны, прочную преемственную связь с исторической наукой рубежа XIX–XX вв., с другой — стремление обрести новые методологические основания. Еще в конце XIX в. начал свою деятельность как историк-медиевист А. К. Дживелегов (1875–1952), проявив интерес к изучению средневековых городов и социальной борьбы в них [Дживелегов 1902]. В поле его внимания оказались и проблемы эпохи Возрождения, истоки которой молодой ученый видел в особенностях городского общественного и культурного уклада, а саму эпоху понимал как процесс, направленный на «убийство средневековой культуры»⁵. Ситуация в исторической науке 1920-х гг. с ее ориентацией на абсолютизацию социальных факторов во многом способствовала его возвращению к своим дореволюционным исследованиям по итальянской истории XIII–XVI вв. В 1920-е — начале 1930-х гг. Дживелегов проявил себя как один из наиболее ярких популяризаторов эпохи Возрождения, публикуя, помимо собственно научных исследований, немалое количество биографических очерков, просветительских статей.⁶ Несмотря на последующую критику, некоторые его идеи (выявление социально-экономических предпосылок культуры Возрождения, роль итальянских городов-коммун и купечества в процессе перехода от средних веков к Возрождению) нашли свое отражение и развитие в работах советских историков последующих поколений: В. И. Рутенбурга, С. Д. Сказкина, Л. М. Брагиной и др. Идея, разработанная Дживелеговым, о том, что Возрождение имеет своим истоком город как среду, в которой формировалось оппозиционное средневековой схоластике свободомыслие, станет общим местом всех исследований, посвященных этой эпохе.

Ситуация революционного обновления страны не могла не коснуться системы научного знания. Новое и принципиальное в исторической науке 1920-х гг. — положение о классовой борьбе как движущей силе исторического процесса, которое

⁵ Перечень дореволюционных работ Дживелегова см. в диссертации Ю. Н. Девятовой [Девятова 1999].

⁶ К ренессансоведческим сочинениям А. К. Дживелегова советского периода относятся: «Начало итальянского Возрождения» (1924), «Очерки итальянского Возрождения» (1929), «Боккаччо и его общество» (1933), «Поджо Браччолини и его «Фацетии» (1934), «Франческо Гвиччардини (1483–1540)» (1934), «Никколо Макиавелли» (1934), «Влияние культуры Италии на идеологию Марло и Шекспира». Подробнее об этой стороне деятельности Дживелегова-историка см.: [Девятова 1999].

применительно к ренессансистике диктовало необходимость подчеркнуть революционный характер разрыва со Средними веками. В отличие от дореволюционной науки, видевшей в Возрождении исключительно культурный переворот, молодая советская наука настаивает на универсальном характере этого переворота, трактует его как борьбу со средневековым феодализмом, затронувшую все стороны общественной жизни, и рассматривает миросозерцательные сдвиги в качестве следствия общественно-экономических. В наиболее развернутом виде такой подход представлен у М. А. Гуковского (вначале в статье «К вопросу о сущности так называемого итальянского Возрождения» 1932 г., позже — в монографии «Итальянское Возрождение» 1947 г.):

Победа нового над старым, с такой определенностью закрепляемая в политической, экономической и социальной жизни XIV в., приводит и в сфере идеологической к торжеству новых идеалов, торжеству не бессознательному, стихийному, как в творчестве Данте или Джотто, а вполне осознанному, оформляемому в виде новой системы ценностей и критериев [Гуковский 1990: 249].

Мировоззренческий разрыв Возрождения со Средневековьем, который подчеркивала и дореволюционная историческая наука, советская — абсолютизировала, создав формулу, без которой не обходится практически ни одна публикация, научная или популярная, в первые десятилетия советской истории — «борьба нового со старым». В своей универсальной обобщенности она устанавливала «кровное» родство между прошлым и настоящим, между гуманистами XIV–XV вв. и деятелями молодого советского государства. Если дореволюционная наука увидела свое родство с первыми гуманистами в индивидуалистическом самопознании и самоанализе, во внутреннем разладе и душевной борьбе, советская — в пафосе жизненного обновления. В качестве идейной доминанты борьба нового со старым делала Возрождение эмоционально и духовно близким раннему советскому времени.

Интерес к Возрождению поддерживается различными просветительскими проектами. Наука выходит из кабинетов в массы. Распространением знаний о Возрождении занимается основной костяк советских ренессансистов этого периода: Дживелегов, Гуковский, Эфрос, Б. И. Пуришев. Просветительство — общая платформа, которая объединяла дореволюционную русскую интеллигенцию, стоявшую на позициях англофильского либерально-реформистского направления, и молодую советскую. И те и другие считали просветительскую деятельность важнейшим средством политических преобразований. Дживелегов и Эфрос, представители дореволюционной интеллигенции, активно сотрудничали с издательством «Academia», которое сыграло важнейшую роль в деле популяризации литературы Возрождения: писали вводные статьи, занимались редакторской деятельностью, переводили. Молодой Пуришев работал в качестве научного сотрудника «Литературной энциклопедии»: редактировал и писал статьи по западной литературе. Все читали лекции, занимались педагогической деятельностью.

Именно в педагогической деятельности Б. И. Пуришева (1903–1989) наиболее ярко проявляются главные тенденции советской науки конца 1920-х — 1930-х гг.: с одной стороны, стремление подчеркнуть энтузиастический характер Возрождения, с другой — взяв за основу высказывания классиков марксизма, необходимость поставить Возрождение на новые методологические основания. Пуришев

отталкивается от выдержки из «Диалектики природы» Ф.Энгельса, на основе которой разрабатывает концепцию Возрождения как эпохи универсальных личностей, получившей широкое распространение в нашей школе. Замечания Энгельса («величайший прогрессивный переворот», эпоха «титанов по силе мысли, страсти и характера, по многосторонности и учености»), относящиеся к культурно-исторической ситуации в Европе второй половины XV — XVI в., определяют главные концептуальные положения курса, охватывающего более широкий временной период — XIV–XVI вв. Согласно этой концепции, Возрождение как культурно-историческая эпоха возникает на разломе двух социально-экономических эпох — феодальной и буржуазной. Разрыв со средними веками знаменует «открытие мира и человека», связь с буржуазной эрой — разный характер эпохи в ее начальный и конечный периоды:

На ранних этапах Возрождения царила вера в неминуемую победу человека над темными силами косности, зла и дисгармонии. <...> В период позднего Возрождения, когда творческий гений писателей в последний раз взметнулся на небывалую высоту, гуманизм приобрел трагические черты [Пуришев 1996: введение].

Петрарка, таким образом, оказывался на историческом разломе, и требовалось определить его позицию по отношению к старому и новому. Пуришев подчеркивает: Петрарка — первый и подлинный гуманист, в деятельности которого определяющими являются, во-первых, интерес к античности, во-вторых, решительный разрыв с нормами феодального Средневековья. И первое, и второе проявляют себя прежде всего как «живой интерес к человеку и окружающему его земному миру». Связь с христианским миром отмечается вскользь и с характерной оговоркой: «обогастил этот мир ценностями мира античного». Индивидуализм, о котором много писала дореволюционная историческая наука, отмечая его как главную особенность гуманистического миропонимания, заменяется самопознанием и понимается не как сосредоточенность на себе и круге своих интересов — желании славы, любви, хотя Пуришев об этом пишет достаточно, — а как осознание противоречивости своего сознания, устремленного к новому и не освободившегося до конца от старого. Впрочем, все, что касается саморефлексии, в курсе Пуришева минимизировано [Пуришев 1996: лекция 1].

Молодой преподаватель ищет новые точки сближения итальянского писателя XIV в. и советского человека века XX: незнатное происхождение, одухотворенный труд, вера в личное достоинство человека, критика эгоизма и меркантилизма, патриотизм и забота о судьбах отечества, связь с «народным трибуном» Кола ди Риенцо, критика института церкви. Главным однако остается сфокусированность писателя на земном и человеческом. Определение Веселовского «лирическая исповедь» в характеристике «Книги песен» используется Пуришевым как обозначение жанра без каких-либо пояснений, а идея книги и ее значение видятся в поэтизации чувства любви к земной женщине.

Таким образом, сохранив все основные компоненты дореволюционного образа Петрарки, но изменив акценты, Пуришев его идеологически переориентировал: Петрарка предстал как человек, стремящийся к новому, прогрессивному, как писатель, в котором, несмотря на периодические отклонения в сторону старого, доминировал пафос жизнеутверждения и неприятия средневекового аскетизма и догматизма. На этой научной основе началось движение к переводу «Книги песен», в котором роль Пуришева довольно значительна.

Для лекционного курса им была подготовлена хрестоматия [Пуришев 1937]. Она не была первой⁷, однако оказалась наиболее основательной из всех созданных в советское время и неоднократно переиздавалась. По широте охвата источников, по качеству использованных переводов, по сдержанному, в отличие от лекционного материала, характеру подачи комментаторских статей хрестоматия Пуришева по эпохе Возрождения (как и другие его проекты подобного рода⁸) до сих пор не утратила своего значения. В первое издание (1937), помимо отрывков из трактатов «О презрении к миру» и «О средствах против счастья и несчастья», вошли только восемь сонетов Петрарки в переводах Иванова и Ю. И. Верховского, в последующих (1947, 1959) — количество стихотворений было увеличено и за счет привлечения текстов других жанров и тематики, и за счет расширения круга переводчиков. Итогом этой работы стало отдельное издание Петрарки 1963 г. с подчеркнуто просветительской направленностью, в котором были представлены переводы 104 текстов: 92 сонета, три баллаты, четыре секстины, четыре канцоны, один мадригал. Наличие первого сонета в переводе Эфроса и ивановского перевода сонета CCCLXIV в качестве финала, структурное деление сборника на две части («На жизнь» и «На смерть мадонны Лауры») в общем виде соответствовали композиции оригинала, что и позволило Пуришеву вынести на обложку название «Книга песен» — впервые за всю историю существования Петрарки в России [Петрарка 1963].

Первые «советские» переводчики Петрарки — поэты, близкие к символистским кругам: Ю. И. Верховский (1878–1956), постоянный посетитель «башни» Вяч. Иванова⁹, переводивший Петрарку с 1903 г. на протяжении нескольких десятилетий [Верховский 1908; 1948], и А. М. Эфрос (1888–1954) [Петрарка 1955]. Несмотря на разницу в индивидуальной манере, в работе обоих переводчиков хорошо ощутима школа Иванова: филологическая основательность в сочетании с хорошим знанием итальянского языка, эрудиция, ориентация на язык русской классической поэзии, свободное владение поэтической техникой. Как и у Иванова, в переводах Верховского большое внимание уделяется особенностям фонетики оригинала и стремлению максимально ее сохранить в русском переводе, желанию добиться плавности и текучести речи, свойственной оригиналу. Как Иванов, Эфрос идет по пути архаизации в выборе лексики, сложного синтаксиса, усиливая эту особенность переводов предшественника. Характерной, но уже с точки зрения времени, а не связи с Ивановым, является и готовность обоих переводчиков пробовать себя в работе с разными жанрами, в том числе с неосвоенными русской поэтической традицией, — секстиной, канцонной, мадригалом. Каждый из переводчиков представил значительное количество переведенных текстов (Верховский — 46, Эфрос — 117), многие из которых были добротнo сделаны. Вместе с тем Пуришеву при составлении первой «советской» «Книги песен» пришлось прибегнуть ко всему корпусу переводов Петрарки, накопленных русской литературой XIX и XX вв., и с сожалением признать: «по-настоящему хороших, талантливых и поэтических переводов не так уж много» [Пуришев 1963: 22].

⁷ Первая была создана Дживелеговым и построена на его переводах: [Дживелегов 1925].

⁸ Пуришев подготовил хрестоматию по всем курсам, которые читал на протяжении почти 60 лет: семь томов по зарубежной литературе Средних веков, эпохи Возрождения, XVII и XVIII вв.

⁹ О взаимоотношениях Верховского и Иванова см.: [Лавров 2003; Звонова, Фоминых 2005].

Поставив на обложку «Книга песен», Пуришев спешил выдать желаемое за действительное: 104 стихотворения сборника составляли меньше трети корпуса оригинала. Вместе с тем после выдающихся переводов «Божественной комедии» Данте (М. Л. Лозинский, Сталинская премия 1946 г.), сонетов Шекспира (С. Я. Маршак, Сталинская премия 1948 г.), демонстрировавших достижения и преимущества советской системы в подходах к освоению классического наследия прошлого, сборник Петрарки представал новой амбициозной целью. Перевод всей «Книги песен» рассматривался как вызов школе советского перевода, уже сложившейся к этому времени: она должна была сделать то, что оказалось «не по силам» предшествующей истории русской литературы.

Рубежными стали 1970-е: в 1970 г. вышел первый сборник переводов Петрарки Е. М. Солоновича; в 1974 г. вышли первая в отечественной науке (и до сегодняшнего дня единственная) монография Р. И. Хлодовского, посвященная Петрарке, и первое издание Петрарки Н. Б. Томашевского. В разной мере каждая из этих книг стала событием, а совокупность усилий переводчика, ученого и редактора-составителя создали условия для реального продвижения к намеченной цели.

Солонович сразу привлек к себе внимание новым подходом в переводе Петрарки. В редакторской заметке к книге этот подход был определен двумя словами — простота и ясность. Никакой лексической архаики символистов, никаких сложных синтаксических конструкций. Общая ориентация в выборе словаря — язык любовной поэзии пушкинской эпохи с отдельными вкраплениями слов современного словаря, которые не разрушают впечатление стилистической гармонии. Простой и ясный синтаксис только усиливает это впечатление — рождается легкий и плавный стих, который течет очень непринужденно. Солонович явно ориентировался на переводы Шекспира, сделанные Маршаком, поэтому сглаживает все, что в оригинале порождает напряженность и драматизм. Переводчик старательно обходит характерную для Петрарки искусственность и образную усложненность, вычурные метафоры облегчает и проясняет для читателя, слишком конкретные или странные с точки зрения современного человека образы заменяет на более спокойные и привычные. Смысл каждого поэтического текста передан верно, но за счет сглаженных деталей (эпитетов, вспомогательных образов, более взвешенной интонации) создается отличное от оригинала впечатление: религиозность ослаблена, внутренние противоречия и метания смягчены, вместо них — светлая печаль, все внимание сфокусировано на чувстве любви, не ослабевающим с годами.

Переводы Солоновича — это, как писал М. Л. Гаспаров о переводах Маршака, уже «вкус новой исторической эпохи» [Гаспаров 2001: 408], нового поколения советской интеллигенции, у которого есть потребность в классике, в приобщенности к традициям мировой культуры, и у которого есть возможность познакомиться с подлинником практически только через перевод. Приобщение к классике становится для интеллигенции брежневского времени одной из форм само-осознания, осмысления своего места и роли в обществе. Неслучайно именно в 1970-е гг. начинается активная разработка темы интеллигенции советскими историками и дискуссия о ее происхождении. Ренессансная интеллигенция в большинстве исследований рассматривается как исторически первая форма интеллигенции новейшего времени, «резко отличающаяся и по самосознанию, и по типу деятельности, и по месту в социальной структуре от средневековых носителей культуры» [Петров

1982: 49]. Петрарка в этом контексте — ее «родоначальник» и поэт, который вы-являет направленность ее внутренних поисков.

Монография Хлодовского, давая общую картину жизни и деятельности Петрарки, возвращалась к темам, открытым Веселовским и практически отвергнутым в исследованиях довоенного времени, — ацедия, внутренние противоречия. В работе Хлодовского они определены как «часть “я” нового интеллигента-гуманиста», составляющие «богатство его жизни» [Хлодовский 1974: 68]. Общая идея в трактовке «Книги песен» остается прежней — «открытие мира и человека», воспевание их красоты. Но раскрытие этой идеи предстает теперь не как «прямая дорога», а как движение, рождавшееся сквозь внутреннее противоречие. Его религиозные основания, правда, сокрыты. Метафизическая составляющая любви Петрарки тоже обойдена. Акцент сделан на жизненности переживания: на смятении и суетности некогда пережитых чувств, которые по прошествии лет вызывают стыд и боль раскаяния. «Реализм “Книги песен” — реализм психологический» [Хлодовский 1974: 159]; внутреннее противоречие лирического героя «является тем формообразующим, структурным противоречием, которое дает основное содержание “Книге песен”» [Хлодовский 1974: 156], — подчеркивает исследователь и заключает: «Это было “я” “нового человека”, своего рода лирическая персонификация гуманистического индивидуализма» [Хлодовский 1974: 160], которое осознается как часть общей тенденции эпохи. Ему было дано и новое для советского литературоведения терминологическое определение, соответствующее всплеску интереса науки второй половины XX в. к самой философской идее — антропоцентризму.

Особое внимание Хлодовский уделяет идее целостности книги Петрарки, целенаправленной работе над ней автора, подчеркивая значимость вводного сонета (о заключительном не сказано ни слова) и «внутреннее единство его автономных по отношению к друг другу лирических “фрагментов”» [Хлодовский 1974: 168]. Эта мысль, впервые с такой четкостью сформулированная и последовательно проведенная через всю главу, посвященную «Книге песен», сыграла, как нам кажется, немаловажную роль в работе над изданиями Петрарки в советское время.

Таким образом, если статья Веселовского подчеркивала близость Петрарки человеку рубежа XIX–XX вв., исторические и филологические исследования советской науки выявляли его психологическую близость интеллигенту 1970–1980-х гг. Петрарка в очередной раз становился созвучен времени. Это был совершенно новый Петрарка, которого с полным правом можно назвать советским. Поэтому если и проводить границу между «символистскими» и советскими переводами, то именно здесь, в 1970-е.

Особая роль в проекте по созданию полного перевода «Книги песен» принадлежит Н. Б. Томашевскому (1924–1993). Филолог и сын выдающегося филолога, переводчик с итальянского и испанского, много лет преподававший русскую литературу в университетах Рима и Неаполя, а затем перевод в Литературном институте в Москве, Томашевский в качестве редактора-составителя соединял в себе многое, что должно было привести к появлению «Книги песен» на русском языке. Издание 1974 г. было первым, за ним последовали еще два (1980¹⁰ и 1984), четвертое (1989) отличалось от третьего только появлением отрывка из «Писем о делах

¹⁰ В 1982 г. вышло отдельное издание сонетов Петрарки, составителем которого являлся Томашевский [Петрарка 1982а].

повседневных» в разделе «Автобиографическая проза» [Петрарка 1974; 1980; 1984; 1989]. Томашевскому удалось объединить вокруг себя многих талантливых поэтов-переводчиков: Е. В. Витковского, А. В. Парина, З. Н. Морозкину, А. С. Эфрон, А. М. Ревича, В. Б. Микушевича, С. А. Ошерова, А. И. Эппеля. Однако, в отличие от Солоновича и В. Левики¹¹, обратившихся к Петрарке по зову сердца, остальные работали на заказ. Мало кто владел итальянским языком в той степени, какой владел им Солонович, выпускник итальянского отделения Московского государственного педагогического института иностранных языков. Тем не менее общими усилиями было переведено огромное количество текстов: 344 из 366. Помимо сонетов, которые переводили все, Солоновичем были переведены также тексты других жанров: девять (из 29) канцон, три (из семи) баллады, семь (из девяти) секстин, все четыре мадригала.

Лидером большой группы переводчиков был Солонович. Он не только перевел наибольшее число текстов (160 в издании 1984 г.), но и определил ориентиры в переводе Петрарки, которым в разной степени следовали все. Это, впрочем, были ориентиры, заданные общими принципами советской школы перевода: нацеленность на передачу в первую очередь художественного смысла, а не стиля; в передаче особенностей оригинала — ориентация на просветительский подход в работе с массовым читателем, в выборе лексики — установка на верность ценностям русской словесной культуры. Проект, который в начале своего существования обещал стать «еще одним принципиально новым этапом приобщения Петрарки к нашей словесности» [Томашевский 1974: 402], со временем выявил и свою обратную сторону. Перевод, особенно поэтический, кроме языка, филологической подготовки, версификационного мастерства, требует индивидуального поэтического таланта. Именно сращение этих качеств, как показывает история, дает наиболее яркие результаты. Коллективный подход в переводе Петрарки, напротив, требовал нивелировки переводческой индивидуальности, работы «под общим знаменателем». Языковая и стилистическая сглаженность, литературный русский язык с ограниченным использованием разговорных интонаций, упор на передачу контрастности стиля оригинала, красоту метафор и музыкальность, плавность поэтической речи — черты, присущие практически всем переводам, — делали их, при общей добротности, «бесцветными» в художественном отношении, лишенными поэтической индивидуальности. В результате даже в третьем издании 1984 г. Томашевский не откажется от отдельных текстов в переводах Иванова, Верховского и Эфроса, не найдя им достойной замены, и с разочарованием заключит в предисловии: Петрарка, выведенный из живого литературного процесса, относится «не столько к истории русской поэзии, сколько к истории русской образованности» [Петрарка 1984: 19].

Как редактор-составитель Томашевский возвращается к образцу издания Гершензона: во всех его изданиях поэтические тексты сопровождаются автобиографической прозой. Помимо «Письма к потомкам» и «Моей тайны», Томашевский включает также письмо к Гвидо Сетте, которое публикуется в его изданиях с 1980 г. Как и у Гершензона, просветительская, или, в выражении самого Томашев-

¹¹ Шесть переводов из Петрарки были впервые опубликованы в авторском двухтомнике переводов: [Левик 1977].

ского, «образовательная», направленность издания, поддержана и другими сопроводительными материалами: предисловиями, комментариями, примечаниями.

Важна и еще одна особенность: несмотря на достигнутую полноту сборника (1974 — 137 текстов; во втором и в третьем изданиях количество текстов не менялось — 344, менялся перевод отдельных текстов), Томашевский нигде не использует название «Книга песен». Понимая, как нам кажется, несоответствие идейной направленности получающихся изданий оригиналу¹², он сохраняет подчеркнuto жанровый принцип в названии.

Перевести Петрарку означало не только представить его в полноте и жанровом разнообразии текстов «Книги песен». Перевести Петрарку означало также вернуть его Богу. Последнее было принципиально невозможным. Все издания выходили без последней канцоны. Дело было не в трудности перевода и не в том, что уже существовавший перевод принадлежал религиозному философу, не издававшемуся в СССР. Дело, как кажется, было в другом. Признавая свойственные Петрарке колебания в сторону «средневековости», советская наука тем не менее последовательно отстаивала тезис о коренном расхождении гуманистического мирозерцания со средневековым. Даже в последние годы своей научной деятельности Хлодовский убежденно подчеркивал:

Лирическая сосредоточенность Петрарки на глубинах своего внутреннего мира была результатом колоссального мировоззренческого переворота. В идеологической системе классического, ренессансного гуманизма имманентный конечному миру человек занял то самое место, которое прежде принадлежало трансцендентному Богу. В этом — сущность ренессансного «открытия человека» [Хлодовский 2000: 15].

Завершающая, «покаянная», канцоны Петрарки ставила под сомнение всю концепцию антропоцентризма, на которой стоял советский Петрарка. Без нее (с учетом сглаженности религиозного содержания внутреннего конфликта лирического героя в советских переводах) «Книга песен» оставалась собранием текстов разных жанров.

Усилия школы советского перевода так и не привели к созданию полного перевода «Книги песен», однако незавершенность проекта нельзя рассматривать как его неудачу. Изначальная установка советской школы перевода на образовательно-просветительский подход, позволила открыть доступ советскому читателю к огромному объему ранее не переведившихся текстов: помимо почти полного свода «Книги песен»¹³, впервые были переведены «Африка», целый ряд текстов из латинской прозы [Петрарка 1982б; 1992].

Издания Томашевского стали высшим достижением советского периода, открыв дорогу другим многочисленным изданиям «Книги песен», которые выходили в СССР в 1970–1980-е гг. многотысячными тиражами. Все издания объединяли научно-просветительская направленность в подаче материала и ориентация на широкую читательскую аудиторию. Так, в выборе названий издательства придерживались нескольких подходов: жанрового («Избранные сонеты», «Сонеты»,

¹² Достаточно заметить, что ни в одно из изданий не был включен перевод заключительного текста книги — канцоны CCCLXVI.

¹³ Нелишне заметить, что до 1890 г. на русский язык были переведены только 53 текста «Книги песен», включая не только поэтические, но и прозаические переводы.

«Избранное: Автобиографическая проза; Сонеты»), указующего на род литературы («Лирика», «Избранная лирика») или — если Петрарка издавался с другими поэтами — отсылающего к эпохе («Поэты Возрождения», «Европейские поэты Возрождения»). Все издания в обязательном порядке включали вводную статью и комментарий/примечания и нередко сопровождалась подборкой текстов из автобиографической прозы. Вводные статьи знакомили читателя с основными вехами биографии первого гуманиста, пересказывали историю его любви, которая всегда «уравновешивалась» рассказом о гуманистической направленности деятельности поэта [Якушкина 2019].

Заключение

Изучение рецепции Петрарки в России XX в. допускает разную периодизацию в зависимости от подходов исследователя. Однако если рассматривать переводы не изолированно, а как часть общего процесса обращения культуры к чужому (не национальному) литературному имени, придется признать: рецепция Петрарки в русской культуре XX в., несмотря на пережитый ею драматический перелом 1917 г., подчинена общему принципу — научно-просветительскому. Этот вывод в равной мере применим к Петрарке советского периода и дореволюционного. Переводы Иванова сами по себе являются ярким примером поисков русским модернизмом своих исторических истоков, включенности в споры о «новом искусстве». Переводы Иванова, взятые в составе издания Гершензона и в контексте предшествовавших ему научных публикаций, выходят за рамки собственно литературных поисков, становятся частью просветительской направленности эпохи.

Вместе с тем в России на протяжении всего XX в. Петрарка выступает не только как объект просветительских устремлений, но и как объект познания себя. В обоих процессах роль науки оказалась решающей. Индивидуалист, углубленный в себя и в самоанализ; писатель, разрывающий со старым во имя нового; гуманист-интеллигент, осознающий богатство своего внутреннего мира — вот три подхода, которые определяли интерпретацию Петрарки в отечественной науке на разных этапах ее развития, и три ипостаси русского Петрарки в XX в., связанные с этапами развития самой русской культуры.

Источники

- Веселовский 1939 — Веселовский А. Н. *Избранные статьи*. Л.: Гос. изд-во худ. лит., 1939.
- Верховский 1908 — Верховский Ю. *Разные стихотворения*. М.: Скорпион, 1908.
- Верховский 1948 — *Поэты Возрождения*. Верховского Ю. (пер.); Дживелегов А. (вступ. ст.). М.: Гослитиздат, 1948.
- Гершензон 1915 — Гершензон М. Франческо Петрарка. 1304–1374: вступительный очерк. В кн.: Петрарка Ф. *Автобиография. Исповедь. Сонеты*. Гершензон М., Иванов Вяч. (пер.). М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1915. С. 3–52.
- Гуковский 1990 — Гуковский М. А. *Итальянское Возрождение*. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990.
- Дживелегов 1902 — Дживелегов А. К. *Средневековые города в Западной Европе*. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1902.
- Дживелегов 1925 — Дживелегов А. К. *Возрождение: собрание текстов итальянских, немецких, французских и английских писателей XIV–XVI веков. История в источниках: пособие для практ. занятий*. М.; Л.: Гос. изд-во, 1925.

- Корелин 1888 — Корелин М. Петрарка как политик. *Русская мысль*. 1888, год IX (кн. 7): 83–94; год IX (кн. 8): 46–74.
- Корелин 1892 — Корелин М. С. *Ранний итальянский гуманизм и его историография*. Вып. 1–2. М.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1892.
- Корелин 1896 — Корелин М. С. *Очерки итальянского Возрождения*. М.: Тип. И. Н. Кушнерева и К°, 1896. (2-е изд. 1910.)
- Корелин 1899 — Корелин М. С. Очерки развития философской мысли в эпоху Возрождения. I. Мировоззрение Франческо Петрарки. *Вопросы философии и психологии*. 1897, год VIII (кн. 1 (36)): 14–53; год VIII (кн. 2 (37)): 329–381. (2-е изд. 1899.)
- Корелин 1914 — Корелин М. С. *Ранний итальянский гуманизм и его историография*. В 4 т. Т. 2: Франческо Петрарка, его критики и биографы. СПб.: Тип. Стасюлевича, 1914.
- Левик 1977 — Левик В. *Избранные переводы*. В 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1977.
- Петрарка 1898 — Петрарка Ф. *Избранные сонеты и канцоны в переводах русских писателей*. *Русская классная библиотека*. Чудинов А. Н. (ред.). Сер. 2, вып. XI. СПб.: Тип. Глазунова, 1898.
- Петрарка 1902 — Франческо Петрарка (1304–1374): биографический очерк поэта с приложением его стихотворений. М.: Тип. О-ва распространения полезных книг, 1902.
- Петрарка 1915 — Петрарка Ф. *Автобиография. Исповедь. Сонеты*. Гершензон М., Иванов Вяч. (пер.). М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1915.
- Петрарка 1955 — Петрарка Ф. *Избранная лирика*. Пер. с итал. А. Эфроса. М.: Художественная литература, 1955.
- Петрарка 1963 — Петрарка Ф. *Книга песен*. Пер. с итал.; Пуришев Б. И. (сост., предисл. и примеч.). М.: Художественная литература, 1963.
- Петрарка 1974 — Петрарка Ф. *Избранное. Автобиографическая проза. Сонеты*. Пер. с итал.; Томашевский Н. Б. (сост. и коммент.). М.: Художественная литература, 1974.
- Петрарка 1980 — Петрарка Ф. *Лирика*. Пер. с итал.; Томашевский Н. Б. (вступ. ст., сост. и коммент.). Сер.: Классики и современники. М.: Художественная литература, 1980.
- Петрарка 1982а — Петрарка Ф. *Сонеты*. Пер. с итал.; Томашевский Н. Б. (сост.). Минск: Вышэйшая школа, 1982.
- Петрарка 1982б — Петрарка Ф. *Эстетические фрагменты*. Бибихин В. В. (пер. с итал., вступ. ст. и примеч.). Сер.: История эстетики в памятниках и документах. М.: Искусство, 1982.
- Петрарка 1984 — Петрарка Ф. *Сонеты, избранные канцоны, секстины, баллады, мадригалы, автобиографическая проза*. Пер. с итал.; Томашевский Н. Б. (сост., предисл. и примеч.). М.: Правда, 1984.
- Петрарка 1989 — Петрарка Ф. *Лирика. Автобиографическая проза*. Пер. с итал.; Томашевский Н. Б. (сост. и предисл.); Томашевский Н. Б. и Бибихин В. (примеч.). М.: Правда, 1989.
- Петрарка 1992 — Петрарка Ф. *Африка*. Пер. с итал.; Гаспаров М. Л. (отв. ред.). Сер.: Литературные памятники. М.: Наука, 1992.
- Петров 1982 — Петров М. Т. *Итальянская интеллигенция в эпоху Ренессанса*. Л.: Наука, 1982.
- Пуришев 1937 — *Хрестоматия по западноевропейской литературе. Литература эпохи Возрождения и XVII века*. Пуришев Б. И. (сост.). М.: Учпедгиз, 1937. https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_00009_005173690?page=1&rotate=0&theme=white (дата обращения: 06.01.2024).
- Пуришев 1963 — Пуришев Б. И. Предисловие. В кн.: Петрарка Ф. *Книга песен*. Пер. с итал.; Пуришев Б. И. (сост., предисл. и примеч.). М.: Художественная литература, 1963. С. 5–22.
- Пуришев 1996 — Пуришев Б. И. *Литература эпохи Возрождения. Идея «универсального человека»*: курс лекций. <http://svr-lit.ru/svr-lit/purishev/vvedenie.htm> (дата обращения: 06.01.2024).
- Соловьев 1886 — Соловьев Вл. Из Петрарки: Хвала и моления Пресвятой Деве. *Вестник Европы*. 1886, 120 (8): 614–617.
- Хлодовский 1974 — Хлодовский Р. И. *Франческо Петрарка. Поэзия гуманизма*. Михайлов А. Д. (отв. ред.). М.: Наука, 1974.
- Хлодовский 2000 — Хлодовский Р. И. Итальянская литература и художественное единство европейской литературы Нового времени. В кн.: *История литературы Италии*. Т. 1. Средние века. Андреев М. Л., Хлодовский Р. И. (отв. ред.). М.: Ин-т мир. лит. им. А. М. Горького РАН; Наследие, 2000: 9–40.

Литература

- Богомолов 2009 — Богомолов Н. А. Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах: документальные хроники. М.: Изд-во Кулагиной — Intrada, 2009.
- Быстрова 2008 — Быстрова Т. Ариадна Эфрон — переводчик Петрарки. В сб.: *Семья Цветаевых в истории и культуре России*. XV Междунар. науч.-темат. конф. (Москва, 8–11 октября 2007 г.). М., 2008. С. 52–57.
- Венцлова 1991 — Венцлова Т. Вячеслав Иванов и Осип Манделштам — переводчики Петрарки (на примере сонета СССХI). *Русская литература*. 1991 (4): 194–196.
- Гардзонио 1989 — Гардзонио С. Малоизвестные русские переводы Петрарки в XVIII веке. *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1989, 35 (1/2): 19–31.
- Гардзонио 2016 — Гардзонио С. Никита бутырский — сочинитель сонетов. *Литературная жизнь. Статьи. Публикации. Мемуары. Памяти А. Ю. Галушкина*. М.: Ин-т мир. лит. им. А. М. Горького РАН, 2016. С. 33–42.
- Джулиани 1987 — Джулиани Р. П. А. Катенин и итальянская литература. In: *Le romantisme russe et les littératures néo-latines*. Firenze: Le Lettere, 1987. P. 89–119.
- Гаспаров 2001 — Гаспаров М. Л. О русской поэзии: анализы, интерпретации, характеристики. СПб.: Азбука, 2001.
- Гаспаров 2002 — Гаспаров М. Л. 319 сонет Петрарки в переводе О. Манделштама: история текста и критерии стиля. В сб.: *Человек — Культура — История: в честь семидесятилетия Л. М. Баткина*. Андреев М. Л. и др. (ред.). М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2002. С. 323–337.
- Данченко 1986 — Франческо Петрарка: Библиографический указатель русских переводов и критической литературы на русском языке. Данченко В. Т. (сост.). М.: Книга, 1986.
- Девятайкина 2017 — Девятайкина Н. И. М. С. Корелин: подходы и методы изучения Ренессанса и его историографии (на примере Петрарки). В кн.: *Cursor mundi. Человек античности, Средневековья, Возрождения*. Иваново, 2017. С. 133–151.
- Девятова 1999 — Девятова Ю. Н. Алексей Карпович Дживелегов: общественно-политический деятель, историк и педагог. Дис. ... канд. ист. наук. Тверь, 1999.
- Дмитриев 1996 — Дмитриев П. В. Два сонета Петрарки в переводе М. Кузмина. *Новое литературное обозрение*. 1996, (18): 222–224.
- Звонова, Фоминых 2005 — Ю. Н. Верховский в газете «Свободная Пермь». Звонова С. А. и Фоминых Т. Н. (вступ. ст. и подготовка текста). *Филолог*. 2005 (7). http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_6_136 (дата обращения: 06.01.2024).
- Илюшин 1990 — Илюшин А. А. Данте и Петрарка в интерпретациях Манделштама. В кн.: Илюшин А. А. *Жизнь и творчество О. Э. Манделштама: воспоминания. Материалы к биографии. «Новые стихи». Комментарии. Исследования*. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1990. С. 376–382.
- Котрелев 1990 — Котрелев Н. В. Материалы к истории серии «Памятники мировой литературы» издательства М. и С. Сабашниковых (переводы Вяч. Иванова из древнегреческих лириков, Эсхила, Петрарки). В сб.: *Книга в системе международных культурных связей*. М.: Всерос. гос. 6-ка иностр. лит. им. М. И. Рудомино, 1990. С. 127–150.
- Лавров 2003 — Лавров А. В. Дружеские послания Вячеслава Иванова и Юрия Верховского. В сб.: *Вячеслав Иванов — Петербург — мировая культура: м-лы междунар. науч. конф. 9–11 сентября 2002 г.* Томск; М., 2003. С. 194–226.
- Михайлов 1978 — Mikhailov A. D. L'Œuvre de Francesco Petrarca et la science philologique russe. *Petrarca i petrarkizam u slavenskim zemljama = Petrarca e il petrarchismo nei paesi slavi*. Zagreb: Dubrovnik, 1978. С. 335–343.
- Некрасов 1912 — Некрасов А. И. Батюшков и Петрарка. *Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук 1911 г.* 1912, 16 (кн. 4): 182–215.
- Панова 2009 — Панова Л. Г. Две статьи для Манделштамовской энциклопедии: «Данте Алигьери» и «Франческо Петрарка». В сб.: *Притяжение, приближение, присвоение: вопросы современной литературной компаративистики*. Ласкина Н. О. (ред.). Новосибирск: Новосибир. гос. пед. ун-т, 2009. С. 162–181.

- Панова 2015а — Панова Л. Г. Запоздалая попытка петраркизма: «Канцоньере» в русском модернизме: рецепция «Канцоньере». Статья 1. *Русская литература*. 2015, (3): 103–128.
- Панова 2015б — Панова Л. Г. «Друг Данте и Петрарки друг». Статья вторая. Русские трели итальянского соловья (еще раз о 311-м сонете Петрарки в переводе Мандельштама). В сб.: *Корни, победы, плоды. Мандельштамовские дни в Варшаве*. Мельникова Н. Н. (ред.). В 2 ч. Ч. 2. М.: Рос гос. гуманитар. ун-т, 2015. С. 364–405.
- Панова 2016а — Панова Л. Г. Италиянься, германьясь, русея: о любовной эпиграфии Мандельштама «Возможна ли женщине мертвой хвала?..». В сб.: *Услышать ось земную. Festschrift for Thomas Langerak* (Pegasus Oost-Europese Studies 26). Dhooge B. (отв. ред.). Амстердам: Pegasus, 2016. С. 351–399.
- Панова 2016б — Панова Л. Г. Запоздалая попытка петраркизма в русском модернизме: рецепция «Канцоньере». Статья 2. *Русская литература*. 2016, (1): 99–124.
- Панова 2017 — Панова Л. Г. «Друг Данте и Петрарки друг». Статья третья. Мандельштам — соавтор 164 сонета Петрарки. В сб.: *Зборник Матице српске за славистику. Verba volant, scripta manent: Фестивал к 50-летию Игоря Пильщикова*. Вып. 92. Нови-Сад, 2017. С. 473–498.
- Панова 2019 — Панова Л. Г. Италиянься, русея: Данте и Петрарка в художественном дискурсе Серебряного века от символистов до Мандельштама. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2019.
- Пильщиков 2000 — Пильщиков И. А. Из истории русско-итальянских литературных связей: (Батюшков, Петрарка, Данте). В сб.: *Дантовские чтения, 1998*. Илюшин А. А. (общ. ред.). М.: Наука, 2000. С. 16–18.
- Пильщиков 2001 — Пильщиков И. А. Пушкин и Петрарка (из комментариев к «Евгению Онегину»). *Philologica* (Moscow; London). 2001, 6 (14/16): 7–40.
- Пильщиков 2003 — Пильщиков И. А. Мотивы Петрарки у Батюшкова и Пушкина (1815–1817 и 1821–1831). В кн.: Пильщиков И. А. *Батюшков и литература Италии: филологические разыскания*. Шапиро М. И. (ред.). М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 141–157.
- Пильщиков 2006 — Пильщиков И. А. Петрарка в России (очерк истории восприятия). В кн.: *Петрарка в русской литературе*. Данченко В. Т. (сост.). В 2 кн. Кн. 1. М.: Рудомино, 2006. С. 15–40.
- Пильщиков 2012 — Пильщиков И. «Звуки итальянские!»: о фоностилистике русских переводов из Петрарки. В сб.: *Venok: Studia slavica Stefano Garzonio sexagenario oblata. In Honor of Stefano Garzonio*. Part I (Vol. 40). Stanford: Berkeley Slavic Specialties, 2012. P. 141–154.
- Пильщиков 2015 — Пильщиков И. Традиции «русского петраркизма» и сонеты Петрарки в переводе М Кузмина. В сб.: *Михаил Кузмин. Литературная судьба и художественная среда*. Лавров А. В., Дмитриев П. В. (науч. ред.). СПб.: Реноме, 2015. С. 139–157.
- Полуяхтова 1984 — Полуяхтова И. К. Петрарка в русских переводах начала XIX века. В сб.: *Типологические соответствия и контактные связи в русской и зарубежной литературе*. Воропанова М. И. (отв. ред.). Красноярск: Краснояр. гос. пед. ин-т, 1984. С. 4–7.
- Полуяхтова 1987 — Полуяхтова И. К. Эпиграф к шестой главе «Евгения Онегина» (из истории русского Петрарки). В сб.: *Проблема традиций и взаимовлияния в литературах стран Западной Европы и Америки XIX–XX вв.* Киреева И. В. (отв. ред.). Горький: Горьковский гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского, 1987. С. 71–78.
- Розанов 1930 — Розанов М. Н. Пушкин и Петрарка. В кн.: *Московский пушкинист: статьи и материалы*. Цявловский М. А. (ред.). М.: Федерация, 1930. С. 116–154.
- Романов 2004 — Романов Б. Н. Франческо Петрарка и русский сонет. Комментарии. В кн.: Петрарка Ф. *Сонеты*. Романов Б. Н. (сост., коммент., предисл.). М.: Радуга, 2004. С. 547–571; 573–624.
- Романов 2020 — Романов Б. Н. Сонетный ключ: «Книга песен» Ф. Петрарки, «Трофеи» Ж.-М. Эредиа и русский сонет. М.: Крут, 2020.
- Семенко 1970 — Семенко И. М. Мандельштам — переводчик Петрарки. *Вопросы литературы*. 1970, (10): 153–169.
- Семенко 1997 — Семенко И. М. Мандельштам в работе над переводами сонетов Петрарки. В кн.: Семенко И. М. *Поэтика позднего Мандельштама: от черновых редакций к окончательному тексту*. М.: Мандельштамовское общество, 1997. С. 59–81.
- Смольевский 1991 — Смольевский А. А. Ольга Ваксель — адресат четырех стихотворений Осипа Мандельштама. *Литературная учеба*. 1991, (1): 163–169.

- Солонович 1979 — Солонович Е. Петрарка в России: история вопроса и некоторые проблемы перевода. В кн.: *La traduzione letteraria dal russo nelle lingue romanze e dalle lingue romanze in russo*. Milano: Cisalpino-Goliardica, 1979. С. 315–327.
- Сутуева 1964 — Сутуева Т. О. Некоторые сведения об изучении и переводах итальянских классиков. В кн.: Сутуева Т. О. *Очерки литературы итальянского Возрождения: раннее Возрождение*. М.: Высшая школа, 1964. С. 151–154.
- Титаренко 1985 — Титаренко С. Д. Петрарка и русский сонет конца XVIII — первой трети XIX в. В сб.: *Проблемы метода и жанра*. Канунова Ф. З. (отв. ред.). Вып. 11. Томск: Том. гос. ун-т, 1985. С. 76–100.
- Томашевский 1974 — Томашевский Н. Франческо Петрарка в русской поэзии. В кн.: *Петрарка*. Томашевский Н. (сост., общ. ред. и коммент.). М.: Художественная литература, 1974. С. 390–403.
- Томашевский 1981 — Томашевский Н. Два эпизода из истории русского Петрарки. В кн.: Томашевский Н. *Традиция и новизна: заметки о литературе Италии и Испании*. М.: Художественная литература, 1981. С. 174–185.
- Фурман 2000 — Фурман Ю. М. Франческо Петрарка: Посмертная судьба в Европе и России. Харьков: Основа, 2000.
- Хлодовский 2001 — Хлодовский Р. И. Пушкин и Петрарка: гуманизм и гуманность Пушкина. *Вестник РГНФ*. 2001, (1): 308–316.
- Якушкина 2005 — Якушкина Т. В. Петрарка в русской литературе XVIII в. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9*. 2005, (1): 25–34.
- Якушкина 2008 — Якушкина Т. В. *Итальянский петраркизм XV–XVI веков: традиция и канон*. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т культуры и искусства, 2008. С. 277–300.
- Якушкина 2011 — Якушкина Т. В. Точка отсчета: об истории развития понятия «Возрождение» в России XVIII — первой половины XIX в. *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусства*. 2011, 3 (8): 148–159.
- Якушкина 2016 — Якушкина Т. В. «Книга песен» в России: к вопросу о переводе лирической книги. В сб.: *Международная конференция и международный научно-практический семинар «Многоязычие и межкультурная коммуникация: вызовы XXI века», Пула, Хорватия, 16–23 июля 2016 г.* М., 2016. С. 179–185.
- Якушкина 2019 — Якушкина Т. В. Петрарка, которого нет: об изданиях «Книги песен» в России. В сб.: *Книга и книжная культура в Западной Европе и России до начала Нового времени: сборник в честь Александра Хаймовича Горфункеля*. Гладков А., Черняк И. (ред.). М.; СПб.: Петроглиф, Центр гуманитарных инициатив, 2019. С. 603–620.
- Cazzola 2005 — Cazzola P. Osip Mandel'stam, traduttore russo del Petrarca. In: *Scrittori russi nello specchio della critica XIX–XX secolo*. Alessandria: Edizioni dell'Orso, 2005. С. 293–307. (На итал. яз.)
- Contieri 1959 — Contieri N. Batjuškov e il Petrarca. *Annali. Sezione slava*. 1959, (II): 163–182. (На итал. яз.)
- Garzonio 1988 — Garzonio S. Petrarca nelle traduzioni russe del XVIII secolo. *Le lingue del mondo*. 1988, (6): 33–42. (На итал. яз.)
- Markov 1976 — Markov V. Italy in Mikhail Kuzmin's Poetry. *Italian Quarterly*. 1976, 20 (77–78): 5–18.
- Maver Lo Gatto 1978 — Maver Lo Gatto A. Primi poeti russi traduttori del Petrarca. *Petrarca i petrarkizam u slavenskim zemljama = Petrarca e il petrarchismo nei paesi slavi*. Zagreb: Dubrovnik, 1978. P. 327–333. (На итал. яз.)
- Mikhailov 1978 — Mikhailov A. D. L'Œuvre de Francesco Petrarca et la science philologique russe. *Petrarca i petrarkizam u slavenskim zemljama = Petrarca e il petrarchismo nei paesi slavi*. Zagreb, Dubrovnik Publ., 1978. P. 335–343.
- Mureddu 1980 — Mureddu D. Mandel'stam and Petrarch. *Scando-Slavica*. 1980, (26): 53–84.
- Pil'ščikov 2010 — Pil'ščikov I. A. Petrarca nelle traduzioni dei poeti russi dell'età d'oro e d'argento. *Russica Romana*. 2010, anno XVI: 89–114. (На итал. яз.)
- Shapiro, Shapiro 1993 — Shapiro Mich., Shapiro Mar. Pushkin and Petrarch. In: *American Contributions to the Eleventh International Congress of Slavists. Bratislava, August–September 1993: Literature. Linguistics. Poetics*. Maguire R. A., Timberlake A. (eds). Columbus (Ohio), 1993. P. 154–169.

Tatiana V. Yakushkina

Pushkin Leningrad State University,
10, Peterburgskoe shosse, Pushkin, St. Petersburg, 196605, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-8280-531X>
t000056157@lgumail.ru

Petrarch and his “Canzoniere” in the Russian culture of the 20th century

For citation: Yakushkina T. V. Petrarch and his “Canzoniere” in the Russian culture of the 20th century. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2024, 21 (3): 600–622. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.305> (In Russian)

The subject and material of research is the lyrical heritage of Petrarch in Russian culture of the 20th century, from the late 1890s to the early 1990s. While the pre-revolutionary Petrarch has been researched extensively, the Soviet, despite the significance of the achieved results, remains almost unexamined. Despite the ideological and aesthetic discrepancy between the poets of the Russian Silver Age and those of the Soviet school of translation, there is a clear continuity between the pre-revolutionary and Soviet images of Petrarch. If we consider translations of Petrarch not in isolation, but as part of the general process of the culture's appeal to his name, we should admit: throughout the 20th century, Petrarch's reception in Russia is subordinated to one principle which is science popularization. Translations of Vyach. Ivanov demonstrate the search by Russian modernism for its historical origins, their inclusion in the debate about the “new art”. Ivanov's translations, taken as part of Gershenzon's edition of Petrarch and in the context of the preceding scientific publications, go beyond the actual literary pursuits, become part of the educational trend. At the same time, throughout the 20th century Petrarch in Russia acts not only as an object of educational aspirations, but also as an object of self-knowledge. According to the internal processes of the Russian society development, Petrarch was interpreted, firstly, as an individualist, deepened in himself and in introspection; then, as a writer breaking off with the old in the name of the new; finally, as a humanist-intellectual who realizes the wealth of his inner world. These three interpretations corresponded with the scientific approaches to Petrarch in different periods of the 20th century, they also determined three images of the Russian Petrarch in the 20th century.

Keywords: Russian literature of the 20th century, Petrarch in Russian culture, Russian translations of “Canzoniere”, Petrarch in the USSR, Boris I. Purishev.

References

- Богомолов 2009 — Bogomolov N. A. *Viacheslav Ivanov in 1903–1907: Documentary Chronicles*. Moscow: Izdatel'stvo Kulaghinoi — Intrada Publ., 2009. (In Russian)
- Быстрова 2008 — Bistrova T. Translating Petrarca: Ariadna Efron. In: *Sem'ia Tsvetaevykh v istorii i kul'ture Rossii*. XV Mezhdunarodnaia nauchno-tematicheskaja konferentsiia (Moskva, 8–11 oktiabria 2007 g.). Moscow, 2008. P. 52–57. (In Russian)
- Венцлова 1991 — Ventslova T. Translating Petrarch: Vyacheslav Ivanov and Osip Mandelstam (using the example of the CCCXI sonnet). In: *Russkaia Literatura*. 1991, (4): 194–196. (In Russian)
- Гардзонио 1989 — Garzonio S. Little-Known Russian Translations from Petrarch in the 18th Century. *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1989, 35 (1/2): 19–31. (In Russian)

- Гардзонио 2016 — Garzonio S. Nikita Butyrskii as a Sonneteer. In: *Literaturnaia zhizn'. Stat'i. Publikatsii. Memuary. Pamiati A. Iu. Galushkina*. Moscow: Institut mirovoi literatury Publ., 2016. P. 33–42. (In Russian)
- Гаспаров 2001 — Gasparov M. L. *On Russian poetry: Analyses, interpretations, characteristics*. St Petersburg: Azbuka Publ., 2001. (In Russian)
- Гаспаров 2002 — Gasparov M. L. Petrarch's sonnet 319 translated by Osip Mandelstam: history of the text and stylistic criteria. In: *Chelovek — Kul'tura — Istoriia: V chest' semidesyatiletiya L. M. Bakhtina*. Andreev M. L. (ed.). Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet Publ., 2002. P. 323–337. (In Russian)
- Данченко 1986 — Francesco Petrarca: Bibliographic index of Russian translations and critical literature in Russian. Danchenko V. T. (comp.). Moscow: Kniga Publ., 1986. (In Russian)
- Девятайкина 2017 — Deviataikina N. I. M. S. Korelin: Approaches and methods of studying the Renaissance and its historiography (on the example of Petrarch). In: *Cursor mundi. Chelovek antichnosti, Srednevekov'ia, Vozrozhdeniia*. Ivanovo Publ., 2017. P. 133–151. (In Russian)
- Девятова 1999 — Devyatova Yu. N. *Alexey Karpovich Dzhivelegov as a social and political figure, historian and teacher*. Thesis for PhD in Historical Sciences. Tver, 1999. (In Russian)
- Джулиани 1987 — Giuliani R. P. A. Katenin and Italian Literature. In: *Le romantisme russe et les littératures néo-latines*. J. Bonamour et M. Colucci (dir.). Firenze: Le Lettere, 1987: 89–119. (In Russian)
- Дмитриев 1996 — Dmitriev P. V. Two sonnets by Petrarch translated by M. Kuzmin. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 1996, (18): 222–224. (In Russian)
- Звонова, Фоминых 2005 — Yu. N. Verkhovsky in the newspaper “Svobodnaya Perm” (opening article and text processing). *Filolog*. 2005, (7). http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_6_136 (accessed: 06.01.2024). (In Russian)
- Илюшин 1990 — Iliushin A. A. Mandelstam's interpretations of Dante and Petrarch. In: Iliushin A. A. *Life and work of O. E. Maldelstam: Memoirs. Materials for the biography. “New Verses”. Comments. Studies*. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 1990. P. 376–382. (In Russian)
- Котрелев 1990 — Kotrelev N. V. Materials for the history of the series “Monuments of World Literature” published by M. and S. Sabashnikov (Translations by Vyach. Ivanov from ancient Greek lyricists, Aeschylus, Petrarch). In: *Kniga v sisteme mezhdunarodnykh kul'turnykh sviazei*. Moscow: Vserossiiskaia gosudarstvennaia biblioteka inostrannoi literatury imeni M. I. Rudomino Publ., 1990. P. 127–150. (In Russian)
- Лавров 2003 — Lavrov A. V. Friendly messages from Vyacheslav Ivanov and Yuri Verkhovsky. In: *Viacheslav Ivanov — Peterburg — mirovaia kul'tura: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. 9–11 sentiabria 2002 g.* Tomsk, 2003. P. 194–226. (In Russian)
- Некрасов 1912 — Nekrasov A. I. Batyushkov and Petrarch. *Izvestiia Otdeleniia russkogo iazyka i slovesnosti Imperatorskoi Akademii nauk 1911*. 1912, 16 (4): 182–215. (In Russian)
- Панова 2009 — Panova L. G. Two Articles for the Mandel'shtam Encyclopedia: “Dante Alighieri” and “Francesco Petrarca”. In: *Pritiazhenie, priblizhenie, prisvoenie: voprosy sovremennoi literaturnoi komparativistiki*. Laskina N. O. (ed.). Novosibirsk: Novosibirskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet Publ., 2009. P. 162–181. (In Russian)
- Панова 2015a — Panova L. G. A Belated Petrarchan Episode in Russian Modernism: Reception of “Canzoniere”. Essay 1. *Russkaia literatura*. 2015, (3): 103–128. (In Russian)
- Панова 2015b — Panova L. G. A Friend of Dante and Petrarch. Essay 2. Russian Trills of an Italian Nightingale (More on Mandel'shtam's Translation of Petrarch's Sonnet 311). In: *Korni, pobegi, plody. Mandel'shtamovskie dni v Varshave*. Mel'nikova N. N. (ed.). In 2 part. Part 2. Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet Publ., 2015. P. 364–405. (In Russian)
- Панова 2016a — Panova L. G. Going Italian, German, Russian: Biographical and Intertextual References in Mandel'shtam's Love Epitaph “Is it Possible to Praise a Late Woman”. In: *Uslyshat' os' zemniu. Festschrift for Thomas Langerak* (Pegasus Oost-Europese Studies 26). Dhooze B. (ed.). Amsterdam: Pegasus Publ., 2016. P. 351–399. (In Russian)
- Панова 2016b — Panova L. G. A Belated Petrarchan Episode: Canzoniere in Russian Modernism. Essay 2. *Russkaia literatura*. 2016, (1): 99–124. (In Russian)

- Панова 2017 — Panova L. G. A Friend of Dante and Petrarch. Essay 3. Mandel'shtam as a Co-author of Petrarch's Sonnet 164. In: *Zbornik Matitse Serpske za slavistiku. Verba volant, scripta manent: Festschrift k 50-letiiu Igoria Pilshchikova*. 2017, (92): 473–498. (In Russian)
- Панова 2019 — Panova L. G. Going Italian, Going Russian: Dante and Petrarch in Silver Age Letters from the Symbolists to Mandel'shtam. Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet Publ., 2019. (In Russian)
- Пильщиков 2000 — Pilshchikov I. A. From the History of Russian-Italian Literary Ties: Batiushkov, Petrarch, Dante. In: *Dantovskie chteniia*, 1998. Iliushin A. A. (ed). Moscow: Nauka Publ., 2000. P. 16–18. (In Russian)
- Пильщиков 2001 — Pilshchikov I. A. Pushkin and Petrarch: From the Comments to “Eugene Onegin”. *Philologica* (Moscow; London). 2001, 6 (14/16): 7–40. (In Russian)
- Пильщиков 2003 — Pilshchikov I. A. Petrarch's Motifs in Batiushkov's and Pushkin's Poetry (1815–1817 and 1821–1831). In: Pilshchikov I. A. *Batiushkov and Italian Literature: Philological Explorations*. Shapirō M. I. (ed.). Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2003. P. 141–157. (In Russian)
- Пильщиков 2006 — Pilshchikov I. A. Petrarch in Russia (Essay on the History of Perception). In: *Petrarch in Russian Literature*. Danchenko V. T. (red.). In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Rudomino Publ., 2006. P. 15–40. (In Russian)
- Пильщиков 2012 — Pilshchikov I. “Italian Sounds!”: On Phonostylistics of the Russian Translations of Petrarch. In: *Venok: Studia slavica Stefano Garzonio sexagenario oblata. In Honor of Stefano Garzonio*. Part I (Vol. 40). Stanford: Berkeley Slavic Specialties, 2012. P. 141–154. (In Russian)
- Пильщиков 2015 — Pilshchikov I. The Traditions of “Russian Petrarchism” and Petrarch's Sonnets Translated by M. Kuž'min. In: *Mikhail Kuzmin. Literaturnaia sud'ba i khudozhestvennaia sreda*. Lavrov A. V., Dmitriev P. V. (sci. eds). St Petersburg: Renome Publ., 2015. P. 139–157. (In Russian)
- Полуяхтова 1984 — Poluiakhtova I. K. Petrarch in Early 19th Century Russian Translations. In: *Tipologicheskie sootvetstviia i kontaktnye sviazi v russskoi i zarubezhnoi literature*. Voropanova M. I. (ed.). Krasnoyarsk: Krasnoyarskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet Publ., 1984. P. 4–7. (In Russian)
- Полуяхтова 1987 — Poluyakhtova I. K. Epigraph to Chapter 6 of “Eugene Onegin”: From the History of Russian Petrarch. In: *Problema traditsii i vzaimovliianiia v literaturakh stran Zapadnoi Evropy i Ameriki XIX–XX vv.* Kireeva I. V. (ed.). Gorkiy: Gor'kovskii gosudarstvennyi universitet imeni N. I. Lobachevskogo Publ., 1987. P. 71–78. (In Russian)
- Розанов 1930 — Rosanov M. N. Pushkin and Petrarch. In: *Moskovskii pushkinist: stat'i i materialy*. Tsiavlovskii M. A. (ed.). Moscow: Federatsiia Publ., 1930. P. 116–154. (In Russian)
- Романов 2004 — Romanov B. N. Francesco Petrarch and the Russian sonnet. Explanatory Notes. In: *Petrarka F. Sonety*. Romanov B. N. (comp., comment., foreword). Moscow: Raduga Publ., 2004. P. 547–571; 573–624. (In Russian)
- Романов 2020 — Romanov B. N. The Sonnet Key: Petrarch's “Canzoniere”, *Jose-Maria de Heredia's “Les Trophées”*, and the Russian sonnet. Moscow: Krug Publ., 2020. (In Russian)
- Семенко 1970 — Semenکو I. M. Mandel'shtam as a Petrarch's Translator. *Voprosy literatury*. 1970, (10): 153–169. (In Russian)
- Семенко 1997 — Semenکو I. M. Mandel'shtam Translating Petrarch's Sonnets. In: Semenکو I. M. *Poetika pozdnego Mandel'shtama: ot chernovykh redaktsii k okonchatel'nomu tekstu*. Moscow: Mandel'shtamovskoe obshchestvo Publ., 1997. P. 59–81. (In Russian)
- Смолевский 1991 — Smolevskii A. A. Olga Vaksel' as an Addressee of Mandel'shtam's Four Poems. *Literaturnaia ucheba*. 1991, (1): 163–169. (In Russian)
- Солонович 1979 — Solonovich E. Petrarch in Russia: Historical Background and Some problems of Translation. In: *La traduzione letteraria dal russo nelle lingue romanze e dalle lingue romanze in russo*. Milano: Cisalpino-Goliardica, 1979. P. 315–327. (In Russian)
- Сутуева 1964 — Sutueva T. O. Some information on Italian classical writers critical studies and translations. In: Sutueva T. O. *Ocherki literatury ital'ianskogo Vozrozhdeniia: rannee Vozrozhdenie*. Moscow: Vysshaia shkola Publ., 1964: 151–154. (In Russian)
- Титаренко 1985 — Titarenko S. D. Petrarch and Russian Sonnet at the End of the 18th — the first third of the 19th century. In: *Method and Genre Issues*. F. Z. Kanunova (ed.). Vol. 11. Tomsk: Tomskii gosudarstvennyi universitet Publ., 1985. P. 76–100. (In Russian)

- Томашевский 1974 — Tomashevskii N. Francesco Petrarch in Russian Poetry. In: *Petrarch*. Tomashevsky N. (comp., ed. and comment.). Moscow: Khudozhestvennaia literatura Publ., 1974. P. 390–403. (In Russian)
- Томашевский 1981 — Tomashevskii N. Two Episodes from the History of Russian Petrarch. In: Tomashevskii N. *Traditsiia i novizna: zametki o literature Italii i Ispanii*. Moscow: Khudozhestvennaia literatura Publ., 1981. P. 174–185. (In Russian)
- Фурман 2000 — Furman Iu. M. *Francesco Petrarch: Posthumous History in Europe and Russia*. Kharkiv: Osnova Publ., 2000. (In Russian)
- Хлодовский 2001 — Khlodovskii R. I. Pushkin and Petrarch: Pushkin's Humanism and Humanity. *Vestnik RGNF*. 2001, (1): 308–316. (In Russian)
- Якушкина 2005 — Yakushkina T. V. Petrarch in the Russian Literature of the 18th Century. *Vestnik of Saint Petersburg University. Ser. 9*. 2005, (1): 25–34. (In Russian)
- Якушкина 2008 — Yakushkina T. V. *Italian Petrarchism in the 15th and 16th Centuries: Tradition and Canon*. St Petersburg: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet kul'tury i iskusstva Publ., 2008. P. 277–300. (In Russian)
- Якушкина 2011 — Yakushkina T. V. Starting Point: The Development of the Concept of “Renaissance” in Russia in the 18th and first half of the 19th Centuries. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstva*. 2011, 3 (8): 148–159. (In Russian)
- Якушкина 2016 — Yakushkina T. V. “Canzoniere” in Russia: To the Problem of the Lyric Book Translation. In: *Mezhdunarodnaia konferentsiia i mezhdunarodnyi nauchno-prakticheskii seminar “Mnogoiazychie i mezhkul'turnaia kommunikatsiia: vyzovy XXI veka”, Pula, Khorvatiia, 16–23 iulia 2016 g.* Moscow, 2016. P. 179–185. (In Italian)
- Якушкина 2019 — Yakushkina T. V. Petrarch Who Does Not Exist: On the “Canzoniere” Editions in Russia. In: *Kniga i knizhnaia kul'tura v Zapadnoi Evrope i Rossii do nachala Novogo vremeni: sbornik v chest' Aleksandra Khaimovicha Gorfunkelia*. Gladkov A., Cherniak I. (eds). Moscow; St Petersburg: Petroglif, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2019. P. 603–620. (In Russian)
- Cazzola 2005 — Cazzola P. Osip Mandel'stam, traduttore russo del Petrarca. In: *Scrittori russi nello specchio della critica XIX–XX secolo*. Alessandria: Edizioni dell'Orso, 2005. P. 293–307.
- Contieri 1959 — Contieri N. Batjuškov e il Petrarca. *Annali. Sezione slava*. 1959, (II): 163–182.
- Garzonio 1988 — Garzonio S. Petrarca nelle traduzioni russe del XVIII secolo. *Le lingue del mondo*. 1988 (6): 33–42.
- Markov 1976 — Markov V. Italy in Mikhail Kuzmin's Poetry. *Italian Quarterly*. 1976, 20, (77–78): 5–18.
- Maver Lo Gatto 1978 — Maver Lo Gatto A. Primi poeti russi traduttori del Petrarca. *Petrarca i petrarkizam u slavenskim zemljama = Petrarca e il petrarchismo nei paesi slavi*. Zagreb: Dubrovnik, 1978. P. 327–333.
- Mureddu 1980 — Mureddu D. Mandel'stam and Petrarch. *Scando-Slavica*. 1980, (26): 53–84.
- Pilščikov 2010 — Pilščikov I. A. Petrarca nelle traduzioni dei poeti russi dell'età d'oro e d'argento. *Russica Romana*. 2010, anno XVI: 89–114.
- Shapiro, Shapiro 1993 — Shapiro Mikh., Shapiro Mar. Pushkin and Petrarch. In: *American Contributions to the Eleventh International Congress of Slavists. Bratislava, August–September 1993: Literature. Linguistics. Poetics*. Maguire R. A., Timberlake A. (eds). Columbus (Ohio), 1993. P. 154–169.
- Varese 1970 — Varese M. F. *Batjuškov, un poeta tra Russia e Italia*. Padova: Liviana Editrice, 1970.

Received: January 10, 2024

Accepted: May 14, 2024